

3/23

ПРЕПРИНТЫ

АГРАРНАЯ ЭКОНОМИКА
ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
AGRARIAN ECONOMY
FOOD SECURITY

А. М. Никулин, А. А. Куракин, И. В. Троцук

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ТЕОРИИ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

ПРЕПРИНТ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Никулин А.М., к.э.н., директор научно-исследовательского центра аграрных исследований ИПЭИ, 0000-0001-7623-7985, nikulin@ranepa.ru

Куракин А.А., старший научный сотрудник научно-исследовательского центра аграрных исследований ИПЭИ, 0000-0002-1043-9100, kurakin@ranepa.ru

Троцук И.В., д.с.н., ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра аграрных исследований ИПЭИ, 0000-0002-2279-3588, trocuk@ranepa.ru

Москва 2023

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена особым значением аграрной сферы и сельской местности для организации экономики и жизни общества в великой аграрной державе России, чья наука в свое время внесла огромный вклад в аграрную экономику и социологию. **Цель** исследования – аналитический синтез экономических и социологических теорий «по аграрному вопросу» в контексте современных тенденций трансформации аграрной сферы. **Предмет** – важные для современности идеи и проекты экономико-социологической мысли. **Методы** исследования основаны на сочетании инструментов исторических, экономических и социальных наук. **Результаты** исследования включают в себя аналитическую реконструкцию экономических и социологических теорий, значимых для понимания трансформации исторических и региональных контекстов аграрного развития. Согласно **выводам**, «аграрный вопрос» и сегодня требует определиться с пониманием, является ли аграрная сфера неким особым экономическим и социальным миром, нуждающимся в специальных теоретических и эмпирических подходах, или же этот «объект» должен исследоваться стандартным концептуально-методологическим набором экономических и социальных дисциплин. **Научная новизна** исследования заключается в оценке эвристического и прогностического потенциала тех разделов российских аграрных экономических и социологических теорий прошлого и настоящего, что связаны с изучением соотношения крупного и мелкого аграрного производства, оптимальных форм сельскохозяйственных предприятий, особенностей трансформации сельско-городского континуума и т.д. В качестве **рекомендаций** предложено отказаться от сдачи в архив тех концептуальных построений, что изучали докапиталистическое сельское хозяйство, и использовать их наработки для понимания множественных путей становления аграрного капитализма как в глобальных масштабах, так и внутри отдельных стран.

Ключевые слова: экономическая теория; социологическая теория; народничество; марксизм; либерализм; аграризм; аграрный вопрос

RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC
ADMINISTRATION (RANEPA)

PREPRINT

ECONOMIC AND SOCIOLOGICAL THEORIES OF AGRARIAN DEVELOPMENT:
HISTORY AND THE PRESENT

Nikulin A.M., director, Center for Agrarian Studies, Cand. Sci. (Econ.),

ORCID 0000-0001-7623-7985, nikulin@ranepa.ru

Kurakin A.A., senior researcher, Center for Agrarian Studies, Cand. Sci. (Sociol.),

ORCID 0000-0002-1043-9100, kurakin@ranepa.ru

Trotsuk I.V., senior researcher, Center for Agrarian Studies, Doct. Sci. (Sociol.),

ORCID 0000-0002-2279-3588, trocuk@ranepa.ru

Moscow 2023

Abstract

The **relevance** of the study is determined by the special importance of the agricultural sector and rural areas for the economic organization and social life in Russia as a great agrarian power, whose science made a huge contribution to agricultural economics and sociology. The study **aims** at an analytical synthesis of economic and sociological theories on the “agrarian question” in the context of the contemporary transformations of the agricultural sector. The **subject** of the study is those ideas of the economic-sociological thought that are important for our time. The study combines **methods** of historical, economic and social sciences. The **results** of the study include an analytical reconstruction of economic and sociological theories that are relevant for understanding the transformation of historical and regional contexts of agricultural development. The paper **concludes** that the so-called “agrarian question” has not been resolved yet and still requires a clear definition (with corresponding practical consequences) of the agricultural sphere – as a special economic and social world that needs special theoretical and empirical scientific approaches or as an “object” that should be studied by a standard conceptual and methodological set of economic and social disciplines. The **novelty** of the study is determined by the assessment of the heuristic and predictive potential of those sections of the Russian agricultural economic and sociological theories of the past and present that can be applied for the study of the relationship between large and small agricultural production, optimal forms of agricultural enterprises, spatial distribution of agricultural production sectors, and so on. The paper provides some **recommendations** such as a refusal to give up theories of pre-capitalist agriculture in order to use their ideas and methods for the study of multiple paths of agrarian capitalism development both on a global scale and in different countries.

Keywords: economic theory; sociological theory; populism; Marxism; liberalism; agrarianism; agrarian question

Оглавление

Введение	3
1 Теории народничества	4
2 Наука сельскохозяйственной экономики	9
3 Теории аграрного кооперативизма	12
4 Теории крестьянского аграризма	16
5 Концепция продовольственных режимов	19
Заключение.....	22
Список источников.....	24

Введение

Изучение экономических и социологических теорий аграрного развития как в России, так и за рубежом имеет достаточно долгую традицию. Уже в трудах политэкономистов XIX века аграрные теории физиократов, а затем сисмондистов рассматривались с достаточной полемической подробностью и полнотой. Расцвет аналитических дискуссий о специфике теорий аграрного развития приходится на конец XIX – начало XX века в связи с популярностью экономических и социологических доктрин славянофилов и народников, аграристов и неонародников не только в России, но и во всем мире, включая такие развитые страны как Германия и США. Важное значение для этого времени имеет и критика аграрных доктрин со стороны либеральной и марксистской теорий. Пик противоречивых дискуссий о предмете и методе аграрных экономических и социологических теорий приходится на 1920-е годы – период противостояния аграристских, либеральных и марксистских доктрин. В этой драматической борьбе теоретики-аграристы потерпели чувствительное поражение. В 1930-е годы казалось, что вопрос о специфических аграрных теориях закрыт в связи с экспансией унифицирующих политических и экономических теорий индустриализма и урбанизма. Вопрос об особом предмете и методе аграрных экономических и социологических теорий вновь ставится в 1960-е годы – со времени реализации планов «зеленой революции» и поисков особого аграрного пути развития бывших колониальных, преимущественно крестьянских, стран. Сегодня популярность аграрных экономических и социологических подходов неуклонно возрастает в связи с популярностью идеологий экологизма и новейшими достижениями современной биотехнологической революции. Отчасти продолжается как либеральная, так и марксистская критика специфического значения аграрных экономических и социологических теорий. К сожалению, в СССР, начиная с 1930-х годов, разработке вопросов экономических и социологических аграрных теорий уделялось недостаточно внимания, к тому же исследования в этой сфере жестко цензурировались официальной идеологией. Определенный вклад в переосмысление данной проблематики был осуществлен в постсоветский период, и комплексное исследование этой фундаментальной проблемы в сопоставительном российском и международном контексте имеет чрезвычайно важное значение.

1 Теории народничества

Народничество – это огромный пласт социально-экономической и культурной жизни России, образовавший почти полтора века назад в среде русской интеллигенции. На рубеже XIX–XX веков народничество было одним из массовых интеллектуальных настроений российской общественности. Идеология народничества до сих пор сказывается как в социально-экономической повседневности, так и в социально-политических воззрениях широких слоев российского населения, впрочем, часто не осознающих традиции этого народнического влияния. Конечно, народничество – не исключительно российское явление, более известное под названием «популизм» оно было и остается широко распространенным во многих странах мира.

Как ни странно, в современной России нет специальных комплексных исследований теорий народничества, хотя отдельным представителям-теоретикам народничества регулярно посвящаются публикации в виде статей и монографий. Вот почему мы выбрали для нашего экономико-теоретического обзора книгу современного американского исследователя К. Эли [1] об интеллектуальной истории русского народничества. Книга написана легко и увлекательно и фактически является добротным путеводителем по народничеству для всех интеллектуалов, интересующихся историей народнических исканий в России в течение двух прошедших веков. Изначально автор предуведомляет, что использует термин «популизм» (английский термин для обозначения народничества) в самом широком смысле – не как название какой-либо особой доктрины, а как выражение, позволяющее обобщить образчики надежд и идей, которые характеризовали как интересы, так и тревоги большей части населения России в XIX – начале XX века. При этом автор отмечает, что популизм может быть как правой, консервативной, так и левой ориентации, и разные, порой полярные оттенки политических направлений русского популизма нашли отражение в книге. На протяжении всей книги автор неоднократно подчеркивает специфику русского популизма, заключающуюся в попытке преодоления глубинного социально-классового раскола царской России на привилегированное образованное общество и бедный малограмотный народ.

Свой подход к описанию и анализу народничества автор метафорически объясняет через своеобразную систему концентрических кругов. Первый малый круг в самом центре этой системы представляет собой плотное и концентрированное понятие народничества в целом, сложившееся к середине XIX века. Второй круг опреде-

ляет народничество как стремительно распространяющееся явление народнического аграрного социализма с конца 1860-х до начала 1880-х годов. В третьем аналитическом круге находились интеллектуалы, надеявшиеся на крестьянское преобразование России, но не выступавшие за фатальную неизбежность установления крестьянского социализма, и в центре этого аналитического круга находится прежде всего Герцен. Четвертый круг представляет собой широко распространенную среди русской интеллигенции склонность «использовать» крестьянство как способ осмысления истории и судеб России. Автор относит к представителям этого круга многих русских писателей, включая таких великих, как Достоевский и Толстой, которые хотя и скептически относились к революционным надеждам социалистов-народников на крестьян, но все же верили, что русское крестьянство находится в центре судеб России.

Сменяя обзор народнических литературных очерков описанием эволюции народнической политической и экономической идеологии, Эли отмечает рост народнических умеренных реформистских настроений, связанных с развитием легального, либерального народничества, расширением теории и практики малых дел. В целом накануне XX века все глубже проявлялся идейный кризис и разочарование в народнических доктринах. С одной стороны, все очевиднее становится развитие капитализма в России, а, с другой стороны, наблюдаются стагнация и разрушение вековых крестьянско-общинных устоев. Марксизм стремительно становится новой привлекательной политической доктриной, ярко критикующей народнических идеологов за их сентиментальный утопизм аграрного социализма. Эли совершенно правомерно отмечает, что между марксизмом и народничеством в России не было непреодолимых границ. Многие народники достаточно хорошо знали работы Маркса и вполне органично стремились инкорпорировать основополагающие идеи марксизма в народническую идеологию.

К сожалению, книга по истории народничества слишком резко и внезапно обрывается на констатации факта прихода большевиков и Ленина к власти. Но это не означает, что после Октябрьского переворота народничество осталось в прошлом. Народническая идеология воспроизводила и воспроизводит себя как в радикальных, так и в консервативных своих проявлениях как в советской, так и в постсоветской России, до сих пор находя отзвуки и аналоги в других регионах мира [2]. Эта актуализация идей русского народничества для нашего времени могла быть упомянута и

охарактеризована более подробно [3] в контексте возможного пути развития социального и человеческого потенциала современного российского общества.

Например, в конце XIX века «теория малых дел» представляла собой разнообразные социально ориентированные проекты интеллигенции, направленные на постепенное улучшение местной народной жизни в крестьянской экономике, народном образовании и здравоохранении, которые определенно способствовали повышению благосостояния и культуры российского населения, проложив в XX веке дорогу к расцвету знаменитого земского и кооперативного движения в России. Впрочем, умеренных народников – главных сторонников «теории малых дел» – упрекали и до сих пор упрекают их более радикальные оппоненты в робости и мелкости их политического идеализма, не способного ставить, формулировать, достигать более амбициозных целей, связанных с решительной борьбой за коренные социально-политические реформы против косного режима российской государственности [4].

При этом как таковой «теории» малых дел в строго научном смысле никогда не существовало – имелись некоторые идеологическо-этические постулаты умеренного здравого народнического смысла: если не представляется возможности свершить «великие дела» – переменить политический строй с революцией и конституцией, провести коренные социально-экономические преобразования, то следует заняться хоть какими-то, пусть и «микроскопическими» возможностями изменения дел в лучшую сторону, погрузившись в рутину повседневных местных забот по развитию, прежде всего, просвещения и здравоохранения среди бедного и забитого крестьянского народонаселения России. Ибо когда, наконец, возникнет благоприятная обстановка для свершения «великих дел», окажется что годы и десятилетия потраченные на «дела малые» тоже не пропали даром, ведь народ будет более просвещенным и более подготовленным к социально ответственному поведению в новую эру радикальных социальных преобразований.

Следует обозначить сходства и различия активизмов «малых дел» в начале XX и в начале XXI века. Во-первых, полтора века назад главным социальным объектом приложения активистских сил российской интеллигенции был так называемый народ, представлявший собой, прежде всего, крестьянство – подавляющую часть жителей тогдашней Российской империи, и часть, как правило, наиболее бедную и необразованную. Сейчас главным объектом приложения активистских сил «теории малых дел» является не само по себе сельское население, численно уже давно ока-

завшееся в меньшинстве по сравнению с горожанами и растерявшее свой традиционный крестьянский потенциал. Хотя сельское население статистически, как и раньше, в основном более бедное и менее образованное по сравнению с горожанами, сто лет спустя между современными сельскими и городскими жителями уже нет тех почти непреодолимых политэкономических и сословно-культурных барьеров, которые существовали между крестьянством и остальными слоями царской России. Сегодня российский народ представляет собой довольно однородную в экономическом и культурном отношении подавляющую массу как сельского, так и городского населения из бедных и средних социальных слоев, втянутых в нервно-монотонную борьбу за приличное существование в рамках идеалов общества всеобщего потребления. А современный активист «теории малых дел», как правило, реалистически осознавая мировоззренческую ограниченность социальных ценностей общества всеобщего потребления, стремится не столько к достижению прежних рыночно-материальных, сколько новых культурно-экологических идеалов, которые можно открыть, создать, развить и облагородить, прежде всего, в обширных пространствах российской провинции, часто маргинализированных, депрессивных, заброшенных, но сохраняющих в себе уникальный потенциал собственного развития.

Одним из главных объектов для современного активиста «теории малых дел» является некое заброшенное, забытое государством и рынком провинциальное пространство, лет сто двадцать назад часто и густо заселенное народом – крестьянством, ныне же становящееся все более безлюдным и страдающим различными видами социальной опустошенности и природного одичания. В этом пространстве активист способен обнаружить потенциал нового возрождения и развития, связанный с уникальной композицией местных природных и культурных явлений – ландшафтом, историческим памятником, местным промыслом, природным ресурсом, фольклорной традицией и т.д. И, пожалуй, такой современный активизм – это не народничество, а некое пространничество, стремление заново открыть и обустроить местную территорию, чтобы она стала новым вместилищем уюта и культуры возрождения счастливой народной жизни [5]. А своеобразным теоретико-методологическим мостом между замыслами прежних народнических и нынешних пространнических активистов могли бы стать работы выдающегося экономиста и социального мыслителя начала XX века Чаянова, бывшего, с одной стороны, младшим современником и во многом соратником представителей «теории малых дел», с другой стороны, оригинальным

футурологом, проницательно предсказавшим возможные перспективы сельского городского развития России и мира на пару столетий вперед [6].

Разнообразные пути реализации современной «теории малых дел» можно классифицировать по нескольким направлениям. Первое и самое массовое – культурническое направление, стремящееся сохранить и преумножить разнообразные очаги локального культурного развития, что вполне совпадает с традиционной народнической «теорией малых дел», по мотивам которой Чаянов в своей утопии настойчиво ставил задачу решительного развития и интеграции местного сельского культурного наследия в общенациональную жизнь страны. Опыт советского, современного российского и даже международного развития глубинных сельских территорий свидетельствует, что такая ставка на культуру в долговременной стратегической перспективе действительно является неременным основанием устойчивого регионального развития. В России она воплощается в неуклонном росте больших и малых проектов культурного развития сел и малых городов [7]. И стремление к многообразному развитию локальной культуры сопровождается также идущими из народнических времен попытками создания устойчивых и самостоятельных локальных сообществ – от экспериментов с основанием всякого рода идеалистических общин (так называемых экопоселений) до вполне прагматического закрепления имеющихся локальных поселений, чтобы не дать им исчезнуть в до сих пор неуклонных процессах российской все централизующей урбанизации. Экстремально радикальный вариант современного автаркического поселения – российские эко-поселения как сообщества экологических активистов, пытающихся создать почти автономные домохозяйства в рамках экологических общин и сплотить своих членов на основе разнообразных религиозно-философских и эзотерическо-мистических идеалов [8].

Другие направления «теории малых дел» связаны с развитием формальных и неформальных практик местного самоуправления (у Чаянова это вопросы взаимодействия кооперации и местного самоуправления). Хотя в целом исследования показывают, что происходит неуклонное ухудшение социально-экономического состояния обследуемых районов. В ряде из них, однако, хозяйства местных предпринимателей и фермеров умудрялись устойчиво расширять производство и экономическую самостоятельность. Секрет успеха предприятий часто объяснялся особым типом местного предпринимательского активизма, находившего поддержку в самоорганизации локальных сообществ и органов местного самоуправления [9; 10].

2 Наука сельскохозяйственной экономики

Экономия сельского хозяйства конституировалась как самостоятельная наука с собственным предметом и методами исследования к началу XIX века, возникнув из некоторых аграрно-хозяйственных разделов камералистики XVIII века, а также накопившегося практического опыта передовых помещиков и фермеров ряда стран Западной Европы, прежде всего, Англии и Германии. Громадную работу по систематизации экономики сельского хозяйства и созданию первых аграрно-экономических моделей ведения сельского хозяйства провели выдающиеся германские ученые А.Д. Тэер и И.Г. Тюнен. Тэер считается в целом основоположником сельскохозяйственной науки: помимо создания первых специализированных сельскохозяйственных научно-исследовательских и учебных институтов в Германии и мире, он опубликовал первый систематический трактат по ведению сельского хозяйства «Принципы рационального земледелия» в 1806 году, и в центре этой работы находятся вопросы экономического планирования сельскохозяйственного предприятия с точки зрения рыночной экономики, в которой приоритеты в принятии сельскохозяйственных решений подчинены максимизации прибыли, а не максимизации валового производства [11]. Фон Тюнен, ученик и младший современник Тэера, развил его идеи и стал пионером экономики аграрного маржинализма в своем труде «Изолированное государство по отношению к сельскому хозяйству и народному хозяйству» (1826), в котором продемонстрировал с применением своей модели изолированного города-государства, как сельское хозяйство может быть последовательно ориентировано на получение максимально возможной чистой прибыли, какова может быть градация изменений в отраслях и регионах сельскохозяйственного производства относительно их месторасположения к рынку [12]. Тюненовский регионально-отраслевой маржинальный анализ остается важным методологическим инструментом в управлении сельским хозяйством и экономикой.

В дальнейших научных сельскохозяйственно-экономических дискуссиях XIX века конкретизируются междисциплинарные вопросы взаимодействия естествознания, техники и обществознания. К началу XX века школа фон дер Гольца разработала детальнейший анализ аграрного предприятия на основе комплексного учета отдельных, слагающих его хозяйственных элементов. Аграрник-экономист этой школы, обладая справочной книжкой агронома с таблицами сельскохозяйственных норм и коэффициентов, используя элементарные арифметические подсчеты, калькулируя

различные варианты доходности земледелия, уверенно исчислял высоту ренты и стоимость земли и, казалось, был способен, не выходя из кабинета, имея при себе лишь арифмометр, организовывать устойчивое развитие аграрного предприятия. Накопленный за десятилетия основательный эмпирический материал придавал школе фон дер Гольца безусловную респектабельность, что обеспечивало ее господство в европейской аграрной науке вплоть до Первой мировой войны. Новую систематизацию знания и моделей сельскохозяйственной экономики в начале XX века вновь осуществили немецкие экономисты-агрономы, прежде всего Ф. Эрбо и Т. Бринкман [13; 14]. Они создали целостную концепцию аграрного предприятия в системных взаимозависимостях его отдельных сельскохозяйственных и аграрно-перерабатывающих отраслей, анализируя как микроэкономику аграрных предприятий, так и отрасли сельского хозяйства в макроэкономическом контексте народного хозяйства.

В России сельскохозяйственная экономика длительное время находилась под влиянием германской науки, прилежно изучая и творчески адаптируя теоретический и эмпирический опыт немецкой аграрной профессуры к российским реалиям конца XIX – начала XX века. В книге И.А. Кузнецова «Очерки истории сельскохозяйственной экономики в России: XIX – XX века» дается систематический обзор ее становления и развития, вклада в нее крупнейших русских экономистов-аграрников А.П. Людоговского, В.К. Хдюдзинского, А.Н. Шишкина, А.И. Чупрова, А.И. Скворцова, К.А. Вернера и А.Ф. Фортунатова [15]. Автор верно отмечает, что из классических общеевропейских теоретических проблем, расположенных между политэкономией и агрономией (земельной ренты, закона убывающей производительности почвы или убывающей производительности затрат, пространственного маржинализма), российские ученые творчески отобрали и адаптировали многие вопросы аграрной экономики к конкретным условиям развития сельской России.

А.В. Чаянов разработал теории крестьянского хозяйства и сельскохозяйственной кооперации, на основе которых была сделана целая серия практических выводов и рекомендаций для аграрной политики, до сих пор не утратившая своей актуальности [16]. К 1920-м годам в СССР сельскохозяйственная экономика достигла своего расцвета в работах чаяновских коллег А.Н. Челинцева, Б.Д. Бруцкуса, Н.П. Макарова, Г.А. Студенского и др. Но на рубеже 1920-х – 1930-х годов в российской и зарубежной науке сельскохозяйственной экономики произошел политический и ми-

ровозренческий кризис. Кризис политический был связан в СССР с эксцессами коллективизации, в ходе которой были репрессированы как вредительские мелкобуржуазные и буржуазные кадры многие ученые – крупнейшие представители сельскохозяйственной экономики [17]. В СССР в 1930-е годы было объявлено о развитии новой аграрно-экономической науки – экономике сельского хозяйства, базирующейся на постулатах сталинского варианта марксизма-ленинизма. В это время мировой экономический кризис, спровоцировавший авторитарные политические потрясения по всему миру, неблагоприятно отразился на цитадели научной сельскохозяйственной экономики – Германии.

3 Теории аграрного кооперативизма

Кооперативная теория условно распадается на два направления: первое концентрируется на изучении кооперативов как особых организаций, вписанных в современные капиталистические общества и экономики; второе акцентирует внимание на кооперативах как альтернативе современному капиталистическому устройству, как некоему третьему пути за пределами государственного планирования и рыночного саморегулирования.

В рамках первого направления кооперативы изучаются в рамках традиционного организационного подхода – будь то социология организаций или различные теории управления. Все эти исследования подчеркивают особое устройство кооперативов и, как следствие, специфические проблемы, с которыми они сталкиваются. Здесь можно выделить следующие главные темы: устойчивость кооперативов; экономическая эффективность кооперативов; управление и внутреннее устройство кооперативов; трансформация кооперативов. Устойчивость кооперативов не является лишь российской проблемой – она характерна и для других стран: особенно полезен здесь опыт развивающихся стран Африки и Латинской Америки, но нередко кооперативы находятся на переплетении формальных и неформальных институтов и в рамках зарегулированных экономик Западной Европы и США, и именно неформальные институты помогают кооперативам повысить свою устойчивость [18], особенно в крайне неблагоприятных условиях. Как правило, выживание кооперативов зависит от способности подстраиваться под меняющиеся условия, адаптировать как свое организационное устройство, так и сети взаимосвязей с внешними контрагентами [19; 20]. Вопросы внутренней устойчивости чаще всего оказываются гораздо важнее внешней поддержки и благоприятных условий, на чем обычно акцентируют внимание отечественные исследователи кооперации. Впрочем, некоторые авторы смещают акцент с проблем управления на кооперативные принципы и ценности, утверждая, что отход от них ставит под угрозу существование кооперативов [21; 22], и такой подход пересекается с проблематикой трансформации кооперативов.

Анализ экономической эффективности кооперативов по форме аналогичен анализу работы обычных (некооперативных) организаций, однако специфика кооперативов учитывается, и порой проводится сравнение кооперативных и некооперативных организаций, занимающихся схожим производством. Как правило, оценива-

ются такие стандартные экономические показатели, как производительность, прибыль, закредитованность и др., а также различные внешние факторы, связанные с рыночной средой и действиями государства. Например, рассматриваются размеры кооперативов и влияния этих размеров на экономические показатели. Порой обычный эффект экономии от масштаба оказывает на кооперативы точно такой же эффект, как и на стандартные капиталистические фирмы. С другой стороны, возникают вопросы к качеству продукции и стандартная «проблема безбилетника», к пределам расширения кооперативов и превращению их в своего рода картели, к влиянию размера и состава совета директоров на экономическую эффективность кооперации. В этой связи важна и роль государства, в частности, принятое в той или иной стране антимонопольное законодательство [23–30].

Проблемы управления кооперативами также во многих чертах схожи с управлением некооперативными организациями, однако кооперативы обладают своеобразием, которое дает им как преимущества, так и дополнительные сложности в сравнении с некооперативными организациями. Критическую роль здесь играют такие характеристики, как лояльность кооперативных членов, внутренний социальный капитал и доверие. Эти параметры важны и в других организациях, что подчеркивают многие специалисты по теории организаций и менеджменту, однако в кооперативах эти параметры обретают особую важность, поскольку затрагивают основания кооперативизма. Кооперативная теория всячески подчеркивает большую свободу и демократизм внутреннего устройства кооперативов по сравнению с иерархическим устройством традиционной фирмы, но такое устройство предъявляет к членам кооператива дополнительные требования с точки зрения вовлеченности в дела кооператива. Активные и заинтересованные члены могут сделать кооператив эффективным и прибыльным, а апатия – быстро привести кооператив к гибели.

Другая особенность кооперативов – провозглашаемая демократичность управления в противовес обычному капиталистическому предприятию. Данный принцип имеет свои издержки – «демократических отношений», поскольку проводить их в жизнь дороже (в смысле времени и затрачиваемых организационных усилий), чем решения в приказном порядке. С другой стороны, в классическом предприятии существует «проблема принцепала и агента», которая ведет к так называемым «издержкам агентских отношений». Для кооперативов эти издержки также при-

сути, поэтому кооперативы сталкиваются с проблемой соотнесения этих двух типов издержек – демократических и агентских [31].

Если рассматривать кооперативное движение исторически, то в Европе можно выделить два его источника: идеологический (характерен для юга Европы) и утилитарный (характерен для севера Европы). Первый источник скорее противопоставляет кооперативы капиталистической системе, тогда как второй выступает способом в нее вписаться, стать ее неотъемлемой частью. Кооперативы второго (утилитарного) типа, очевидно, побеждают и вытесняют кооперативы первого типа [32]. Довольно неплохо изучен процесс трансформации израильских кибуцев, которые небезосновательно можно считать кооперативами с сильной идеологической составляющей, по крайней мере на этапе их зарождения. Разумеется, кибуцы неоднородны, но у них можно выделить заметную склонность к следованию социалистическим и даже коммунистическим принципам. С течением времени исследователи отмечают уменьшение количества кибуцев и ослабление кооперативного движения в целом. Многие кибуцы поглощаются капиталистическими предприятиями или трансформируются в них. Отмечается и негативный (с точки зрения кооперации) тренд в жизненном цикле кибуцев – от начальной приверженности демократическим (эгалитарным) принципам к управленческой иерархии и стратификации, за которыми логично следует трансформация (поглощение) кооператива в капиталистическое предприятие [33].

Другой популярный объект исследований кооперации – постсоциалистические страны и трансформация их кооперативной системы, которая в социалистический период была выстроена в виде сельскохозяйственных производственных кооперативов. Несмотря на ожидания, что сельскохозяйственная система, основанная на главенстве фермерских хозяйств и присущая западноевропейским капиталистическим экономикам, быстро заменит или поглотит систему производственных кооперативов, последние оказались довольно живучими (о чем свидетельствует, например, ситуация после объединения западной и восточной Германии). Конечно, коллективистская система сельского хозяйства неуклонно трансформируется, однако этот процесс никогда не был быстрым и безболезненным [34]. Например, в России, сельскохозяйственные производственные кооперативы до сих пор существуют, но их число неуклонно сокращается. Другая особенность кооперативов в переходных экономиках стран, вошедших в ЕС – необходимость приспособливаться к экономи-

ческой политике Евросоюза, подход которого к кооперативам серьезно отличается от того, что был принят в социалистических хозяйствах этих стран [35].

Второе направление исследования кооперативов, которое рассматривает их не столько как особые организации, сколько как альтернативный вариант экономического устройства, чаще всего акцентирует важность кооперативных ценностей и принципов, а также глубокого анализа природы кооперативов. В частности, рассматриваются кооперативные принципы, сформулированные Международным кооперативным альянсом, – как своего рода ориентир, с которым можно сравнивать отношения в реальных кооперативах. Например, встречаются попытки показать, что данные кооперативные принципы являются не только идеологическими догмами, но и вполне практичным инструментом, повышающим эффективность работы в рамках кооператива. При этом ценностно-нормативная структура, помогающая кооперативам эффективно функционировать и демонстрировать устойчивость к кризисам, не ограничивается классическими принципами кооперации [36]. С другой стороны, не все кооперативные принципы одинаково важны – некоторые зависят от контекста, в котором функционируют кооперативы, и восприятие этих ценностей кооператорами также не везде одинаково [37].

4 Теории крестьянского аграризма

Хотя в России термин «аграризм» не прижился, фактически аграристские идеи стали оформляться в некие теоретические концепции среди народников и неонародников в начале XX века. С социально-экономической точки зрения в России начала XX века, в отличие от промышленности, в сельском хозяйстве специализация и концентрация аграрного производства происходили достаточно медленно. В царской России сельская жизнь и труд определялись, прежде всего, крестьянскими домохозяйствами с их мелкотоварной и в значительной степени натуральной экономикой. Крестьяне обрабатывали свои поля, часто чересполосные, традиционным примитивным способом, а их мировоззрение оставалось чрезвычайно консервативным [38]. Крестьянское хозяйствование в целом не соответствовало представлениям о современной рациональной экономике, подвергаясь бесконечным упрекам в извечной сельской отсталости [39; 40]. Поэтому утверждение, что для аграрной модернизации необходимо радикально трансформировать крестьянское земледелие России, часто было общим местом – об этом говорили сторонники и либерального, и социалистического направлений разрешения крестьянского вопроса.

Мнение об очевидной отсталости крестьян, конечно, не оспаривалось и сторонниками российского аграризма, однако они считали, что экономический и социальный прогресс может предоставить ранее невиданные средства для устойчивого развития крестьянского хозяйства. Аграристы скептически относились к популярному противопоставлению прогрессивности крупных хозяйств неэффективности мелких крестьянских хозяйств, полагая что устойчивый аграрный рост может быть достигнут на фундаменте крестьянского образа жизни. Более того, они были уверены, что в значительной степени спонтанно крестьянство вступает на путь собственной прогрессивной эволюции [41].

Российские ученые-аграристы, разрабатывавшие в начале XX века варианты крестьянских моделей аграрного производства, не стремились «защитить идеализированный крестьянский мир от рационализированного, в их представлении, модерна» [42. С. 278]. Их интерес к крестьянским моделям развития объяснялся, прежде всего, поиском современных сельских альтернатив эксцессам индустриализации и урбанизации. В эпоху, когда экономический и социальный прогресс принято было связывать, в первую очередь, с расширением промышленного производства и сни-

жением роли сельского хозяйства, представители школы Чаянова работали над созданием междисциплинарной программы развития крестьянской России. Они были не согласны с подчиненным развитием аграрного сектора как предпосылкой становления некоей разновидности исключительно урбанизированного модерна. Наоборот, развитие сельского хозяйства представлялось им краеугольным камнем стратегии общественного развития в целом, в котором сельская, а не городская модернизация общественной жизни должна была играть центральную роль.

Концепция российского крестьянского модерна была одним из вариантов идеологии аграризма – политического и философского комплекса идей, настаивающих на изначально приоритетном значении сельского образа жизни, по крайней мере, не уступающему культурно и технологически городскому образу жизни. В аграризме обнаруживается широкий ряд мировоззренческих программ, предложенных политиками, учеными, группами интеллектуальных элит, крестьянскими сообществами, кооператорами, литераторами разных стран мира, – как критический ответ на индустриализацию и сопряженные с ней перемены в обществе и в экономике. Представителей аграризма объединяло стремление найти альтернативу односторонней городской модернизации, в которой они видели источник опасных социальных проблем (например, спонтанный рост бесправного, агрессивного пролетариата, господство монополий в экономической жизни, отчуждение человека от природы, психические заболевания, связанные со стрессами городского образа жизни, политические конфликты, кризис религиозной веры, возрастание экологических проблем и т.д.) [43].

Аграризм никогда не был цельным философским мировоззрением – это была достаточно эклектичная «прагматическая идеология» [44. С. 19], располагавшаяся как бы между двумя мировоззренческими полюсами, – идеализмом сельскости, придерживающимся настроений консервативного «деревенского» романтизма с его мифами славных, но гибнущих сельских традиций, и комплексом идей прагматичной аграрной модернизации с отраслевыми и региональными направлениями развития сельских семейных домохозяйств, могучими крестьянскими кооперативами, крестьянскими партиями, отстаивающими идеологию аграризма в политической борьбе, и новейшими аграрными технологиями и знаниями, позволяющими аграрникам уверенно себя чувствовать в конкурентной борьбе с другими отраслями промышленности на национальных и мировых рынках [45]. Российский аграризм стремился со-

единить модернизацию аграрного сектора экономики с демократической политической трансформацией страны. Политическая альтернатива аграристов была призвана преодолеть царское, а затем и большевистское наследие авторитаризма в России, в контексте которого крестьяне виделись извечными политическими маргиналами, подчиненными всевластному диктату центральной власти. Аграристы же предлагали в фундамент политического и экономического строя страны положить сохранение и развитие крестьянских домохозяйств, объединенных разнообразными формами отраслевых кооперативов и развитого территориального местного самоуправления [46].

Тот факт, что, в отличие от некоторых стран Восточной и Центральной Европы, российский аграризм не оформился в крестьянскую партию, не означал, что вне научных исследований он не играл никакой роли. Многие яркие представители российского научного аграризма были активистами сельских общественных движений, таких как крестьянская кооперация и земское самоуправление, практически участвуя в осуществлении идеалов модернизации общественной жизни и экономики по-крестьянски. В отличие от экспертов-аграрников в государственном аппарате России, с их тяготением к бюрократическому ведению сельских дел, экономисты и статистики школы Чаянова в вопросах модернизации крестьянской России придерживались работы с негосударственными организациями гражданского общества. Главные представители российского аграризма, активно занимаясь общественной деятельностью, учреждали научно-популярные издания по аграрной тематике, входили в руководство сельскохозяйственных кооперативных обществ, активно взаимодействовали с представителями местного самоуправления, сельскими учителями, статистиками и агрономами на местах.

5 Концепция продовольственных режимов

Аграрный политэконом Г. Бернстайн характеризует международный продовольственный режим как систему «отношений, правил и практик, определяющих международное разделение труда и торговлю в сельском хозяйстве в мировой капиталистической системе после 1870-х годов» [47. С. 168]. Смысл этой концепции состоит в том, что с определенного момента (авторы заявляют, что с 1870-х годов) капиталистическое сельское хозяйство перестало развиваться преимущественно за счет внутренних факторов конкретной страны или общества. Капиталистическое сельское хозяйство стало глобальным, что меняет его динамику и «законы» развития, это, в свою очередь, ставит под сомнение классический тезис о том, что докапиталистические экономики повторяют путь развития стран, где аграрный капитализм уже сложился. В глобальной системе такое эндогенное развитие становится маловероятным.

Кроме того, система глобальных аграрных рынков и связанных с ними отраслей промышленности (агрохимия, биотехнологии, сельскохозяйственное машиностроение и т.п.) структурируется и институционализируется. Появляются центры силы, группы власть предержащих и занимающих подчиненное положение, группы выигравших и проигравших. Принципы и правила, которыми руководствуются участники международной агропродовольственной системы, вырабатываются и поддерживаются в интересах определенных «игроков», а также трансформируются при изменении соотношения сил. Теоретики концепции продовольственных режимов и занимались тем, что пытались проследить логику, факторы и последствия их исторических трансформаций, выделяя три международных продовольственных режима, которые последовательно сменяли друг друга.

Авторами концепции продовольственных режимов считаются Х. Фридман и Ф. МакМайкл [48], а ее идейным вдохновителем – мир-системный подход И. Валлерстайна. Одна из первых статей Фридман была посвящена фигуре американского фермера, сыгравшего ключевую роль в становлении первого продовольственного режима [49], причем в дальнейшем она развивала свою концепцию, учитывая новые социально-экономические веяния [50]. Точкой отсчета становления системы международных продовольственных режимов считаются 1870-е годы, когда сложился первый продовольственный режим. Основными факторами его оформления стали колониализм, вторая промышленная революция, связанная с химией, нефтью и электри-

чеством, и развитие американского сельского хозяйства. Новые технологии обеспечили сельскохозяйственное освоение удаленных от побережий целинных американских земель, а также транспортировку продукции с этих удаленных регионов. США стали главными экспортерами зерна и мяса в Европу, показав всему миру пример промышленного сельского хозяйства и межконтинентальной торговли, превосходившей по интенсивности морские перевозки эпохи колониализма. Колониальные плантации также стали переходить на модель агробизнеса. Наблюдалась всеобщая аграрная специализация, сопровождавшаяся относительно свободной международной торговлей (ослаблением протекционистских барьеров). Завершился этот международный продовольственный режим двумя мировыми войнами, великой депрессией и протекционизмом в международной торговле (как правило, распад первого международного продовольственного режима датируют 1914 годом).

Второй продовольственный режим оформился после двух мировых войн – на фоне холодной войны между капиталистическим и социалистическим лагерями, где третий мир выступал объектом борьбы этих лагерей. Второй продовольственный режим просуществовал с 1940 по 1970-е годы. Следует подчеркнуть, что сельское хозяйство социалистического лагеря остается для этой концепции своего рода черным ящиком, и свои основные усилия сторонники этой концепции тратят на анализ происходившего в капиталистическом мире во главе с США. В целом для второго продовольственного режима характерен аграрный протекционизм и субсидирование в странах Глобального Севера и усугубляющаяся ресурсная зависимость стран Глобального Юга (в том числе продовольственная). Возникшие тогда обширные программы продовольственной помощи (по сути, порожденные излишками сельскохозяйственного производства в США и Европе) преследовали политические цели. Тогда же стали создаваться гигантские аграрные корпорации, вскоре ставшие транснациональными. В экономической политике это был период девелопментализма – когда государства стали брать на себя роль ключевых акторов модернизации. Начало крушения второго международного продовольственного режима связывают с отменой США эмбарго на поставку зерна СССР – с этого момента начался этап неолиберальной глобализации.

Начиная с 1970-х годов на ведущие роли в мировом сельском хозяйстве стали выходить транснациональные корпорации. Происходил процесс финансиализации – главную роль в мировой экономической системе стал играть не промышленный, а

финансовый капитал. Неолиберальный подход в экономической политике стал вытеснять девелопменталистский, а корпорации стремились стать важнее и сильнее национальных государств. В академической среде так и не сложился консенсус по поводу того, действительно ли произошла окончательная глобальная институционализация третьего продовольственного режима, или он все еще находится в стадии становления.

Заключение

Как и в прошлом, сегодня так называемый аграрный вопрос заключает в себе и важнейший эпистемологический вопрос: является ли аграрная сфера неким особым экономическим и социальным миром, требующим специальных теоретических и эмпирических научных подходов? При утвердительном ответе мы обращаемся к интеллектуальному наследию теорий сельского развития, воплощенных в идеях народничества и сельскохозяйственной экономии, сельской кооперации и аграризма, крестьяноведения и глобального экологизма. При ответе скептически отрицательном (в аграрной сфере нет ничего специфического), предполагается, что этот объект должен исследоваться стандартным концептуально-методологическим набором экономических и социальных теоретических и эмпирических подходов. Либеральная и марксистская теории преимущественно исходили из второго, скептического, ответа (только с разных идеологических – буржуазных и пролетарских – позиций), т.е. из отсутствия принципиального отличия аграрной экономики и сельского мира от экономики рыночной, городской, индустриальной, глобальной. Впрочем, либерализм и марксизм, как правило, признавали одну специфическую черту сельской жизни – ее так называемый «идиотизм отсталости», вследствие которого большинство процессов «прогрессивного развития человечества» в сельской местности совершались и совершаются до сих пор «удручающе медленно и неправильно».

В современном мире аграрный вопрос не исчез, поскольку существует огромное количество стран и регионов, где широко представлено или даже господствует докапиталистическое сельское хозяйство. Следовательно, вопрос о становлении капиталистических отношений в сельском хозяйстве этих стран остается открытым, особенно применительно к странам третьего мира. Современные теоретики аграрного вопроса отрицают линейность становления капитализма на селе и утверждают, что такое восприятие возникло вследствие неверного прочтения работ Маркса и Ленина. В противовес линейному восприятию они утверждают, что капиталистический «аграрный переход» может осуществляться множеством способов, и задача исследователей – изучение, систематизация и объяснение множественных путей становления аграрного капитализма. Ситуация осложняется тем, что капиталистические трансформации внутри отдельных стран проходят на

фоне глобализации, несравнимой по масштабу и воздействию со временами становления аграрного капитализма в Европе. Неонародники, в противовес марксистам, полагают, что трудовое (некапиталистическое) крестьянство играет совсем не второстепенную роль при аграрном капитализме, а имеет большой потенциал и незаслуженно игнорируется.

Период после Второй мировой войны характеризуется окончательной сдачей в архив сельскохозяйственной экономики как особой научной дисциплины с собственным предметным полем и методологией. Наступает эра развития сельскохозяйственного бизнеса с помощью математических моделей: на основе принципа предельной стоимости разрабатываются методы расчета, позволяющие оценивать ферму в ее системной целостности с применением линейной оптимизации. Дальнейшее развитие менеджмента в сельском хозяйстве характеризуется растущим стремлением к преобладанию количественных подходов. Хотя в центре внимания аграрно-экономических исследований по-прежнему остается ферма и управление ею, но этим фактически занимается прикладная, а не теоретическая наука, однако в дополнение к количественным методам планирования и управления сельским хозяйством начинают использоваться качественные методы, например, SWOT-анализ.

БЛАГОДАРНОСТИ

Препринт подготовлен на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2023 год.

Список источников

1. Ely C. Russian Populism: A History. Bloomsbury, 2022.
2. Никулин А.М. Джеймс Скотт и Александр Чаянов: от крестьян через революции к государствам и анархиям // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3.
3. Nikulin, A., Trotsuk, I. Political and apolitical dimensions of Russian rural development: Populism “from above” and narodnik small deeds “from below” // Politics and Policies of Rural Authenticity / P. Pospěch, E.M. Fuglestad, E. Figueiredo (Eds.). Routledge, 2022.
4. Зверев В.В. Отголоски «теории малых дел» в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. Т. 15. № 1.
5. Кузнецова Т.Е. Общественно-политическая мысль о природном потенциале России: XII в. – советский период XX в. М.: Наука, 2003.
6. Чаянов А.В. Возможное будущее сельского хозяйства // Экономическое наследие А.В. Чаянова. М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2006.
7. Культурная мозаика малых городов и сел: проекты развития. М., 2014.
8. Карпов А.Е. Форум «Устойчивое развитие поселений» на Доброй земле // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4.
9. Божков О.Б., Игнатова С.Н. Понять прошлое через призму настоящего // Пути России. 1917–2017: сто лет перемен / Под общ. ред. М.Г. Пугачевой, В.П. Жаркова. М.: НЛЮ, 2018.
10. Божков О.Б., Троцук И.В. Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4.
11. Тэер А.Д. Основания рационального сельского хозяйства. М.: А. Ширяев, 1830–1835: в 5 тт.
12. Тюнен И. Г. Изолированное государство. М.: Экономическая жизнь, 1926.
13. Аэребоз Ф. Основы сельскохозяйственной экономики. СПб.: А.Ф. Девриен, 1912.
14. Бринкман Т. Экономические основы организации сельскохозяйственных предприятий. М.: Экономическая жизнь, 1926.
15. Кузнецов И.А. Очерки истории сельскохозяйственной экономики в России: XIX – начало XX века. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

16. Чайнов А.В. Организация крестьянского хозяйства. Екатеринбург: Деловая книга; М.: Академический проект, 2015.
17. Политбюро и трудовая крестьянская партия. М.: Кучково поле; Музеон, 2021.
18. Otieno Ndiege B., Qin X., Kazungu I., Moshi J. The impacts of financial linkage on sustainability of less-formal financial institutions: Experience of savings and credit co-operative societies in Tanzania // *Journal of Co-operative Organization and Management*. 2013. Vol. 2. No. 2.
19. Borda-Rodriguez A., Vicari S. Rural co-operative resilience: The case of Malawi // *Journal of Co-operative Organization and Management*. 2014. Vol. 2. No. 1.
20. Ewert J., Hanf J.H., Schweickert E. Adaptation of South African wine cooperatives to challenging business environments // *Journal of Rural Cooperation*. 2014. No. 2.
21. Fulton M., Larson K. Overconfidence and hubris: The demise of agricultural co-operatives in Western Canada // *Journal of Rural Cooperation*. 2009. No. 2.
22. Davis P. The loss of the co-operative bank. A symptom of the systemic misreading of co-operative history. Purpose, philosophy and economic theory // *Journal of Co-operative Studies*. 2013. Vol. 46. No. 3.
23. Liu J., Von Bailey D. Examining economies of scale for farmer cooperatives in China's Shanxi Province // *Journal of Rural Cooperation*. 2013. No. 2.
24. Pennerstorfer D., Weiss C. On the relative disadvantage of cooperatives: Vertical product differentiation in a mixed oligopoly // *Journal of Rural Cooperation*. 2012. No. 1.
25. Pestana Barros C., Gomes Santos J.C. Comparing the productive efficiency of cooperatives and private enterprises: The Portuguese wine industry as a case study // *Journal of Rural Cooperation*. 2007. No. 2.
26. Barmore C. Agricultural cooperatives in post-war Bosnia and Herzegovina: Internal and external factors affecting cooperative financial performance // *Journal of Rural Cooperation*. 2013. No. 1.
27. Royer J. Implications of the cooperative organizational form for vertical expansion // *Journal of Rural Cooperation*. 2012. No. 2.
28. Kachel Y., Finkelshtain I. A comparative analysis of antitrust regulations in the agricultural sector in Israel, the US and the EU // *Journal of Rural Cooperation*. 2010. No. 1.
29. Keeling Bond J. Cooperative financial performance and board of director characteristics: A quantitative investigation // *Journal of Cooperatives*. 2009. Vol. 22.

30. Kontogeorgos A., Chatzitheodoridis F., Theodossiou G. Willingness to invest in agricultural cooperatives: Evidence from Greece // *Journal of Rural Cooperation*. 2014. No. 2.
31. Pozzobon D.M., Zylbersztajn D., Bijman J. How can cooperatives reduce democratic costs without incurring excessive agency costs? // *Journal of Rural Cooperation*. 2012. No. 2.
32. Fulton M., Hueth B. Cooperative conversions, failures and restructurings: An overview // *Journal of Cooperatives*. 2009. Vol. 23.
33. Moskovich Y., Achouch Y. From collectivism to capitalism: Cultural change in a kibbutz factory in Israel // *Journal of Rural Cooperation*. 2013. No. 1.
34. Wolz A., Kopsidis M., Reinsberg K. The transformation of agricultural production cooperatives in East Germany and their future // *Journal of Rural Cooperation*. 2009. No. 1.
35. Murray C., Beckmann V., Hurreimann A. The governance of cooperation: Policy implications for rural Central and Eastern Europe // *Journal of Rural Cooperation*. 2008. No. 1.
36. Hill S., Doluschitz R. The perception of co-operative values in practice using Baden-Württemberg, Germany as an example // *Journal of Co-operative Studies*. 2014. Vol. 47. No. 1.
37. Oczkowski E., Krivokapic-Skoko B., Plummer K. The meaning, importance and practice of the co-operative principles: Qualitative evidence from the Australian co-operative sector // *Journal of Co-operative Organization and Management*. 2013. Vol. 1. No. 2.
38. Kerans D. *Mind and Labor on the Farm in Black-Earth Russia, 1861–1914*. Budapest, 2001.
39. Moon D. *The Russian Peasantry 1600–1930. The World the Peasants Made*. London, 1999.
40. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М.: НЛЮ, 2006.
41. Макаров Н.П. *Крестьянское хозяйство и его эволюция*. М.: Совет Всероссийских кооперативных съездов, 1920. Т. 1.
42. Zweynert J. Zur russischen Thünen-Rezeption // *Johann Heinrich von Thünen (1783–1850). Thünensches Gedankengut in Theorie und Praxis*. Münster, 2002.

43. Montmarquet J.A. Philosophical foundations for agrarianism // *Agriculture and Human Values*. 1985. No. 2.
44. Eellend J. *Cultivating the Rural Citizen. Modernity, Agrarianism and Citizenship in Late Tsarist Estonia*. Stockholm, 2007.
45. Schultz H. Einleitung. *Proteus Agrarismus* // H. Schultz, A. Harre (Ed.). *Bauerngesellschaften auf dem Weg in die Moderne. Agrarismus in Ostmitteleuropa 1880 bis 1960*. Wiesbaden, 2010.
46. Сорокин П А. *Идеология аграризма*. Прага, 1924.
47. Бернштейн Г. *Социальная динамика аграрных изменений*. М., 2016.
48. McMichael P. *Development and Social Change: A Global Perspective*. Sage Publications, 2016.
49. Friedmann H. World market, state, and family farm: Social bases of household production in the era of wage labor // *Comparative Studies in Society and History*. 1978. Vol. 20. No. 4.
50. Friedmann H. From colonialism to green capitalism: Social movements and emergence of food regimes // *New Directions in the Sociology of Global Development*. Vol. 11.

**В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ